

<https://magazines.gorky.media/nlo/2014/6/esli-b-ne-bylo-nichto.html>

Оксана Тимофеева. Если б не было ничто

Опубликовано в журнале НЛО, номер 6, 2014

Кто был ничем, тот станет всем
«Интернационал»

Мир состоит из границ. Нет границ – нет и мира. Границы проходят между всеми вещами мира, но и все, что есть, потенциально наталкивается на свою границу во всем, что не есть оно. В свою очередь, всякое нечто является границей и краем другого и для другого, которое оно не просто ограничивает, но и формирует. Всякое тело граничит с другим телом, будучи само по себе границей, за которой находится иное. Такова структура мира, функционирующего согласно закону границы, закону различия.

Мир в представлении физика – это мир материальных тел. Но в попытке отыскать совершенное физическое тело, частицу частиц, неделимое наука обнаруживает гибкость материи и в итоге приходит к реальности бесконечно малого, столь же материального, сколь и метафорического, – от осциллирующих нейтрино до суперструн и «ароматов» кварков с их странностью, очарованием, прелестью и истинностью. В этом материальном мире, каким мы его знаем, границы не закреплены, поскольку даже скалы движутся и даже внутри кристаллов происходят изменения.

Мир в представлении математика – это мир числовых или геометрических тел. В диалоге «Тимей» Платон излагает свою теорию вселенной и утверждает, что все состоит из треугольников. В этих архаических крошечных платоновских телах некоторые совершенно оправданно видят своего рода субатомные частицы и иногда связывают их с кварками в современной физике. Можно сказать, что три стороны треугольника – это границы, за которыми находятся уже другие треугольники.

Хотя у них есть границы, но как кварки, так и крошечные треугольники существуют не по отдельности, автономно, а только в качестве конститутивных элементов больших и более сложных структур. Сами же они не имеют внутренней структуры, или, проще говоря, у них нет никакого содержательного «внутри». Элементарные частицы – *prima materia* – ни из чего не состоят, зато все состоит из них. Не те ли они неощутимые кусочки ничто, каждый из которых служит одновременно границей между ничто и вещью, ничто и нечто, ничто и все? Чистое бытие и чистое ничто – это одно и то же, как говорит Гегель [1]. Что же тогда такое

элементарная частица, содержащая ничто, как не граница между бытием и ничто, граница тождественного, на которой производятся все различия?

Мир в представлении биолога – мир живых тел, состоящих из клеток. Клетки – элементарные живые субстанции – сложны. Границы их внутренних структур – это клеточные мембраны, а иногда (как в случае с растениями) и клеточные стенки. Мир в представлении политика-националиста состоит из стран, которые разделяют кордоны и пограничный контроль, тогда как мир политического активиста предполагает границы между классами, властями, привилегиями и т.д. Мир в представлении сексиста или феминистки состоит из гендерных тел, и стены между мужчинами и женщинами должны быть либо отстроены, либо разрушены. Мир в представлении гуманиста состоит из людей и других животных, или не-людей (включая растения, чудовищ, вампиров, зомби и инопланетян), и границы человеческого могут быть либо открыты, либо закрыты для того, что считается нечеловеческим.

В сумме границы мира кажутся слишком многочисленными и разнородными. Однако существует, грубо говоря, три основных типа границ.

1. Граница между нечто и чем-то подобным ему – между одним и другим треугольником, одной и другой клеткой, одной и другой страной, одним и другим человеком, одной и другой серой кошкой, одним и другим клоном и т.д. Это границы внутри некой непрерывности и однородности, внутри определенной величины или рода, где мы скорее имеем дело с различиями в степени.

2. Граница между нечто и чем-то отличным от него – между разными величинами, между мужчиной и женщиной, животным и человеком, сном и реальностью, организмом и механизмом, светом и тьмой, дозволенным и запретным, священным и мирским, внешним и внутренним, жизнью и смертью, добром и злом, бедными и богатыми и т.д.

3. Граница между нечто и ничто. Эту границу трудно изобразить и вообразить, она находится по ту сторону репрезентации и воображения, вместе с частицей, которая ни из чего не состоит и которую невозможно наблюдать в действительности, но можно научно, математически, философски вывести из наблюдения бóльших единиц, зафиксированных в определенных процессах. На этой границе перед нами – край света.

Все три типа границ являются, каждый на свой лад, мерами вещей. Так, в сфере морали на первом уровне границ мы можем думать, что выбираем между различными видами блага или между хорошим и лучшим, но мы можем также искать наименьшее из двух зол. На втором уровне перед нами, предположительно, граница между добром и злом. Затем следует еще одна разграничительная линия, пересекая которую, мы оказываемся по ту сторону добра и зла.

Мы говорим «разграничительная линия», как если бы в действительности можно было провести линию между нечто и чем-то подобным, нечто и чем-то отличным, нечто и ничто. Но линия как граница, вроде стороны треугольника, в некотором смысле не есть нечто само по себе, – это чистый промежуток между двумя плоскостями, поверхностями, местами, телами или территориями. Разграничительная линия состоит из ничто, но тем не менее имеет две стороны, одна из которых переходит в другую. В некоей пространственной реальности между окном и сидящей на нем кошкой нет никакой линии – там, где заканчивается кошка, начинается окно: между ними находится смешение бесконечно малых величин, относящихся либо скорее к кошке, либо скорее к окну. Линии же самой по себе не существует.

Разграничительная линия второго типа – между кошкой (как животным) и человеком – кажется еще менее осязаемой и еще более абстрактной (хотя всякая линия абстрактна), и, однако здесь происходит что-то очень серьезное. Когда человек признает или не признает, принимает или отвергает животное начало в себе и присваивает свою человечность, вступает в игру диалектика исключения и включения: вдоль этой линии имеет место не что иное, как антропогенез. В процессе его человек создает границы – не только между самим собой и животными другими, но вообще все возможные границы. Граница – человеческий способ полагания различия.

Животные не ведают границ, не считаются с ними, не принимают их в расчет. Но у них мы можем почерпнуть поразительные сведения о том, что такое границы. Так, представляется, что границы второго типа проходят сквозь различные множественности, серии или стаи. Каждая стая, согласно Жюлью Делёзу и Феликсу Гваттари, имеет подле себя своего аномального и исключительного индивида. Это может быть одиночка, вожак стаи, изгой, некто, обитающий на краю определенного целого (как Моби Дик для китов, человек-волк или колдуны, живущие между деревнями или у кромки полей и лесов), – это «и не индивидуальность, и не вид», но «феномен окаймления»:

Если вы меняете измерения, если добавляете или выделяете одно из них, то вы меняете множественность. Итак, у расширения каждого множества есть граница, вовсе не являющаяся центром, а выступающая, скорее, как обертывающая линия или наивысшее измерение, благодаря которому мы можем учитывать другие измерения, причем все эти линии или измерения конституируют стаю в данный момент (по ту сторону границы множество меняет природу) <...>. Элементы стаи – это только воображаемые «чучела», характеристики стаи – это лишь символические сущности; все, что берется в расчет, так это линия – аномалия <...>. В любом случае, у стаи есть границы, есть аномальная позиция – всякий раз, когда в данном пространстве животное находится на линии или чертит

линию, по отношению к которой все другие члены стаи распадутся на две половины, левую или правую; периферийная позиция – такая, что невозможно сказать, находится ли аномалия еще в банде, уже вне ее или на подвижной кромке банды [2].

Исключительные индивиды создают союзы или блоки становления, гетерогенные комбинации становления-животным, через которые осуществляется бесконечное производство различия. Как отмечает Катрин Малабу, их «роль состоит в выделении конца серий и незаметного перехода к другим возможным сериям, вроде игольного ушка аффектов, проходного пункта, через который один узор пришивается к другому» [3]. Этот сверхгибкий мир множественностей и серий, где аномалии перебегают из одной стаи в другую сквозь игольное ушко аффектов, измеряется интенсивностями становления.

Последняя, третья разновидность разграничительной линии – край света – в нашем случае наиболее проблематична. Как можно и можно ли вообще помыслить границу конечности? Как возможно, чтобы по одну сторону было нечто, а по другую – ничто? У третьей разграничительной линии есть только одна сторона. Этот предельный край света нигде не находится, поскольку ничто не может быть где-то, занимать то или иное место: всем известно, что только вещи занимают места, – везде что-то есть. Но если вещи, окруженные своими границами, занимают все места, то как тогда вообще возможно изменение? Как можно перейти из одной серии в другую? Как может стая изменить свою природу в столь плотно забитом мире?

Парадокс в том, что, в конце концов, все состоит из чего-то, что ни из чего не состоит. Славой Жижек пишет: «Для настоящего диалектика предельной загадкой является не вопрос: “Почему есть нечто, а не ничто?”, а вопрос: “Почему есть ничто, а не нечто?”, – как получается, что чем больше мы анализируем реальность, тем больше мы обнаруживаем пустоту?» [4]. Не является ли всякая элементарная частица – не имеющая ни внутренней структуры, ни самостоятельного существования, но колеблющаяся между разнообразными комбинациями, – своего рода ограничивающей аномалией, повернутой к ничто, с которым она заключает союз, если не секретное соглашение? Как говорит капитан Ахав, чьи слова о Моби Дике приводят Делёз и Гваттари: «“Белый кит для меня – это стена, воздвигнутая прямо передо мною”, белая стена. “Иной раз думается, что по ту сторону нет ничего”» [5].

Но если такова структура мира, то какова структура пустоты, с которой мы граничим? Пустота есть пустота, потому что она ни из чего не состоит. Если точнее, такой образцовый кусочек пустоты, как элементарная частица, не имеет внутренней структуры. Зато у нее, можно сказать, есть структура внешняя. На что она похожа? Матьяж Личер комментирует это следующим образом:

Внешняя структура элементарной частицы является множественностью множественностей других частиц, порожденных энергией ее поля. Это внешнее множество есть сама частица. Она может быть собой лишь в обход собственной экстернальности, конституирующей, опять же, саму эту частицу. В частице нет ничего, что делает ее тем, что она есть. Все, чем она является, образуется ее окружением. Все, чем она является, – корпускулярная точность, сингулярность, сгущение – в квантовой теории поля стало чистым отношением. Ничто из того, что считалось внутренним свойством частицы, не самодостаточно.

Масса частицы, наиболее существенное свойство физической субстанции, в механизме Хиггса стала чистым отношением. Сингулярность материи, частицы – не что иное, как способ, которым она сообщается со структурирующим ее окружением. Масса частицы, считавшаяся субстанцией, мыслилась как производная двух бесконечностей, бесконечно большой (ее плотность) и бесконечно малой (ее объем), и это имело результатом четко определенную конечную величину. Квантовая теория поля наложила строгие ограничения на подобные притязания, но не путем утверждения истинной радикальной сингулярности прежних времен, а путем ее приручения, нормализации, регуляризации. Субстанции больше не существует, она превратилась в свою собственную экстернальность, в отношение.

Но отношение между чем? Каковы условия этого отношения? Частица есть отношение между нечто и ничто, между конечностью, прирученной сингулярностью, и бесконечностью бесконечностей виртуальных частиц, возникающих в поле центральной частицы. Частица есть лишь это отношение. Это сингулярность, граничащая с множественностью, которая, в свою очередь, является сингулярностью. Множественность множественностей виртуальных частиц ограждает центральную сингулярность и нормализует ее до состояния конечности. Без этой множественности сингулярность оставалась бы уклоняющейся, немислимой в пределах физики. Всей имеющейся у нее структурой частица обязана окружающему ее облаку виртуальных частиц. Все ее свойства возникают и задаются через взаимодействие с облаком, которое она сама же и порождает [6].

В то время как внешняя структура элементарной частицы кажется чем-то мягким, вроде облака виртуальных множественностей, внешняя структура некоторых живых организмов, а именно беспозвоночных, является твердой. Этот совершенно иной вид внешней структуры называется экзоскелетом [7]. Он поддерживает и защищает тело животного, в отличие от внутреннего скелета (эндоскелета), например, человека и других млекопитающих. В расхожем словоупотреблении некоторые крупные разновидности экзоскелета известны как «панцири». Экзоскелет имеется, в частности, у насекомых (кузнечиков, тараканов) и ракообразных

(крабов, омаров). Раковины различных групп моллюсков, а также улиток, хитонов и наutilusов, также являются экзоскелетами. В палеонтологической летописи минерализованные экзоскелеты впервые появились примерно 550 миллионов лет тому назад, и некоторые считают, что их эволюция отчасти вызвала кембрийский взрыв или, как его еще называют, скелетную революцию (стремительное появление большинства известных нам основных форм животной жизни) [8].

Конечно, применительно к пустоте эта метафора может показаться весьма грубой, потому что панцирь всегда чей-то, и омар – это явно что-то, а никак не ничто; однако она дает нам некое представление о внешней структуре – панцирь образует границу омара. Омар живет там, внутри собственных границ, он населяет самого себя как единственный гражданин своей Омарии, и одновременно через свою границу он устанавливает отношение со своим другим – с другим омаром, с неомаром, но также и с ничто. В конце концов мы удаляем панцирь и пожираем омара, словно звери из «Феноменологии духа» Гегеля, которые, подобно посвященным элевсинских мистерий, отчаянно уничтожают вещи, пожирая их [9].

Но представьте, что омара нет. Не может ли и пустота в некотором смысле укрыться в раковине? Более того, что, если все, что есть, есть либо виртуальное облако, либо панцирь ничто – множественность бытия как внешняя структура пустоты? Наконец, можем ли мы удалить панцирь и заглотить пустоту так же, как мы поедаем омара? Последний вопрос выводит нас к пресловутой логике товара, логике ничтожного ничто, добавленного к потребительной стоимости того, что мы потребляем. Однако пустоту нельзя свести к товару. Товар-пустота – лишь малая доля всего пустотного комплекса. В целом же я предлагаю рассмотреть по крайней мере три основные разновидности пустоты:

1. пустота как субстанция;
2. пустота как субъект;
3. пустота как универсалия, или реальное.

Для анализа первого вида пустоты – пустоты как субстанции – я обращусь к одному примеру из современной русской литературы, а именно к книге Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота». Она была написана в 1990-е, время скачкообразного капиталистического развития в России. Главный герой романа Петр Пустота является пациентом психиатрической лечебницы. Он отождествляет себя с Петькой, помощником Чапаева.

Василий Иванович Чапаев был известным русским военным и военачальником Красной армии в годы Гражданской войны. После установления советской власти Чапаев был увековечен пропагандой как герой Гражданской войны в популярной книге Дмитрия Фурманова и фильме братьев Васильевых. Позднее Чапаев стал сквозным персонажем многочисленных русских анекдотов. Действие книги Пелевина разворачивается в двух различных временах – сразу после Октябрьской

революции и в современной постсоциалистической России. В постреволюционную эпоху Петр Пустота предстает поэтом. Он встречается странного мужчину по имени Василий Чапаев, военного командира, но в то же время и буддийского гуру. Пустота с Чапаевым целыми днями пьют самогон, нюхают кокаин и обсуждают метафизические вопросы. Ниже следует один из их диалогов, в ходе которого Чапаев настойчиво спрашивает Пустоту, кем тот себя считает:

Что ты называешь «я»? – Видимо, себя. – Ты можешь мне сказать, кто ты? – Петр Пустота. – Это твое имя. А кто тот, кто это имя носит? – ...Если угодно, я полагаю себя... Ну скажем, монадой. В терминах Лейбница. – А кто тогда тот, кто полагает себя этой м..дой? – Монада и полагает... – ...Скажи-ка мне, где эта м..да живет? – В моем сознании. – А сознание твое где? – Вот здесь, – сказал я, постучав себя по голове. – А голова твоя где? – На плечах. – А плечи где? – В комнате. – А где комната? – В доме. – А дом? – В России. – А Россия где? – В беде, Василий Иванович [10].

Чуть позже в том же эпизоде Петру удается дать по-настоящему правильный ответ на вопрос Чапаева: «Ты где?» – «Нигде» [11]. Пустота – не только имя главного героя, но и центральная категория романа, основные персонажи которого ищут своего рода внутреннюю пустоту внутри панциря глубоко патологичной, тревожной и неприятной постсоветской реальности. Эта книга Пелевина представляет собой один из важных примеров русской постмодернистской прозы 1990-х, предпосылки и вся парадигма которой предельно ясны: после распада Советского Союза идеологическая структура общества меняется столь быстро, что субъект не успевает уловить и тени ядра какой-либо плотной внешней реальности. Мысль, что она едва ли вообще существует, активно проникает в сознание вместе с другими нью-эйджевыми идеями, буддизмом и прочей условно восточной мудростью со свойственным ей стремлением раствориться в пустоте.

В те же самые годы прежде малодоступная французская философия XX века, наконец, попадает в русскую культуру и занимает в ней довольно парадоксальное место. Феноменология, постструктурализм, деконструкция, весь комплекс антитоталитарной борьбы, сопротивления, рефлексии, который маркировался как мысль «мая 68-го» и который Бенджамин Нойс недавно назвал афfirmационистским консенсусом или афfirmационистской доксой (с ее враждебностью, прежде всего, к негативности, диалектике, субъекту, истине и т.д.) [12], вкупе с вышеупомянутой восточной мудростью способствуют распространению нигилизма в нарождающемся российском капиталистическом обществе.

В этом контексте пустота представляется своего рода позитивной субстанцией, будь то внутреннее «я» как пустое пространство, лишенное всякого содержания, или внешняя реальность, в которую не следует верить («Россия в беде»), или идеальное утопическое место, где есть только

пустота как постоянное условие счастья и удовлетворения, или нирвана. Таким образом, мы имеем дело с перевернутой диалектикой субъекта, становящегося субстанцией (в противоположность гегелевской субстанции, становящейся субъектом). Субъект ищет пустоту своего внутреннего «я», которая позволит ему окончательно раствориться в объективной пустоте Вселенной.

Конечно, не только в России можно найти многочисленные примеры такой пустоты в качестве предельной капиталистической мудрости. Они повсюду. Чему капитализм враждебен и чего не терпит, так это другая разновидность пустоты. Эта, так сказать, негативно-активная пустота возникает лишь ретроспективно. Лучше всего ее выражает строка из «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем». Капитализм вытесняет эту пустоту, заполняя пространство избытком товара, за которым субъект ищет вещь и наслаждение: в товарном панцире капитализм продает нам неомара для поедания. Мы пожираем пустоту, но всегда остаемся неудовлетворенными, мы по-прежнему голодны – а пустота пожирает нас. Пустота нью-эйджевой утопии – один из тех коммодифицированных объектов, которые претендуют быть субстанциальным всемирным всем. Так идеологическая пустота рядится в одеяния онтологической полноты.

Теперь я перейду ко второму виду пустоты – пустоте как субъекту. Этот вид пустоты может быть описан не как вакуум, а как нехватка или утрата. Здесь легко угадывается язык современного психоанализа, который по-прежнему обеспечивает нас одной из самых убедительных и продвинутых теорий субъекта. Так, одной из главных задач книги «Меньше, чем ничто», равно как и остальных работ Жижека, провозглашается материалистический анализ субъективности, возникающей в результате встречи гегелевского и лакановского субъектов и находящей свою определенность в глубинной неопределенности – как конститутивный разрыв, разрез, раскол или пустота в цепи некой определенной реальности или неких процессов. Субъект Жижека – это монструозное порождение одновременно гегелевской негативности и фрейдовского влечения к смерти.

В онтологии и философии природы Жижека вся материальная действительность, с которой имеет дело субъект, конституируется через пустоту. Чем более материален и телесен его субъект, тем теснее он сталкивается и граничит с ничто. Именно благодаря посредничеству пустоты субстанция становится субъектом. Не просто мысль вторгается в бытие посредством ничто, – но пустота самого бытия разворачивается благодаря зазору в субъекте. Как поясняет Жижек, «это ничто не есть восточная или мистическая пустота вечного мира, но небытие чистого разрыва (антагонизм, напряжение, “противоречие”), чистая форма

смещения, онтологически предшествующая всякому смещенному содержанию» [13].

Возвращаясь к вышеупомянутому капиталистическому товару, замечу, что он предлагает нам фетиш, напрасно обещающий заполнить пустоту, открытую этим зазором, пустоту, которую субъект испытывает как утрату самой вещи и которую капитализм продает ему в панцире вещи. Он пытается заслонить негативную пустоту как субъект пустотой как позитивной субстанцией. Пустота как субъект зависит от идеи утраченного, забытого и одновременно незабвенного, поскольку опыт этой утраты конституирует само бытие субъекта, и тем самым само бытие предстает пустотой.

Джоан Копджек в своем важном феминистском прочтении лакановской этики психоанализа, книге «Представьте, что нет женщины», подчеркивает близость этого опыта к утрате примордиальной матери и связанного с ней примордиального наслаждения [14]. Но, разумеется, можно говорить и об утрате примордиального отца, которая, в частности, открывает предельную несправедливость, репрессивность и произвольность закона (лишенного высшей, гарантирующей инстанции). Короче говоря, субъект психоанализа – это сирота. Лакановский субъект всегда испытывает нехватку, отсутствие чего-то существенного, вещи как таковой, наслаждения как такового, и даже если ему преподнести весь мир на блюдечке, он не станет от этого счастливее, поскольку знает, что мир – это не всё. С другой стороны, можно сказать, что его подавляет чрезмерность неполноты мира: мир чрезмерен, но никогда не полон.

Но как же быть с пустотой самого бытия, открытой субъектом-сиротой? Я лишь схематично охарактеризую этот вид пустоты, пустоту как универсалию. Следует обратить внимание на заглавие книги Джоан Копджек. Во введении она объясняет свой выбор, ссылаясь на лакановскую цитату из «Короля Убю» Альфреда Жарри: «Да здравствует Польша! Не будь Польши, мир остался бы без поляков!» [15]. Согласно Копджек, «Лакан предлагает новый этический императив: “Представьте, что нет Польши”» [16]. Эта формула настойчиво повторяется и в эссе Лакана «Кант с Садом», в которой цитата папаши Убю играет решающую роль. В семинаре «Еще», как отмечает Копджек, Лакан перефразирует этот императив, парируя Убю: «Представьте, что нет женщины!» Речь здесь идет, ни больше ни меньше, об универсалиях. Конечно, не существует женщины как таковой, бывают только конкретные женщины, но как возможно существование этих конкретных женщин без женщины вообще? Копджек поясняет:

Лакан не утверждает, что универсалий не существует и что существуют лишь конкретные вещи; напротив, он утверждает, что универсалии реальны. Сужать рассмотрение до одних лишь явлений, конкретных вещей, значит упускать из виду существование реального,

которое как раз и делает возможным «всё» бытия. Другими словами, если существуют лишь явления в своей конкретности, то это объясняется тем фактом, что реальное, побочный продукт или остаток мышления, отделяется от мышления, образуя его внутренний предел. Этот предел выполняет функцию синтеза, обобщения, заставляя мышление сосредоточиться на нем, и одновременно функцию детотализации, потому что он изымает себя из мышления. Это вычитание, в свою очередь, «вносит раскол, раздвоение, расщепление» в порядок являющегося нам бытия [17].

Позаимствуем у Жижека другой пример универсалии как реального. В главе из «Меньше, чем ничто» под названием «Животное, которым я являюсь» он подвергает критике предпринятую Деррида деконструкцию различения между человеком и животным. Должна заметить, что представленный им ранее доклад на ту же тему носил название «Животное не существует» [18]. Этот заголовок переводит текст из дерридеанского в лакановский режим и, в сущности, приводит к одной и той же формуле: «Представьте, что нет животного!» Жижек отвечает по-гегельянски на отвержение Деррида бинарной логики, подразумеваемой этим различением:

Дело не только в том, что, например, тотализация, осуществляемая под рубрикой «животного», включает в себя насильственное стирание сложной множественности; дело еще и в том, что насильственное сведение этой множественности к минимальному различию и есть момент истины. Иными словами, множественность животных форм следует мыслить как серию попыток снять некий базовый антагонизм или напряжение, определяющее животное начало как таковое, напряжение, которое можно сформулировать лишь с минимального расстояния, когда задействованы люди [19].

Возвращаясь к идее товара, замечу, что Жижек упоминает здесь Марксов анализ всеобщего эквивалента из первого издания первого тома «Капитала»:

Как если бы наряду и независимо от львов, тигров, кроликов и всех других реальных животных, образующих при группировании разнообразные роды, виды, подвиды, семьи и т.д., существовало бы еще животное вообще, индивидуальное воплощение всего животного царства [20].

Жижек задается вопросом: «Разве этот образ денег как “животного”, резвящегося рядом со всеми окружающими его разнородными представителями конкретных видов животного начала, не передает в точности то, что Деррида называет зазором, отделяющим Животное от множественности реальной животной жизни?» [21]. Его интересует как раз этот зазор, поскольку «то, с чем человек встречается в Животном вообще, само по себе находится в антагонистическом определении: рассматриваемый как животное, человек оказывается призрачным

животным, существующим рядом с реальными видами животных» [22]. В своей близости к другим животное вообще граничит с ничто. Оно едва существует, но воплощает границу между пустотой и множественностью существующих животных, будучи одновременно чем-то вроде несуществующего элемента самой этой множественности.

Отвлечемся теперь от этого несуществующего элемента множественности и обратимся к аномалии, которая находится рядом с каждой стаей и, не будучи представителем этой множественности или стаи, тем не менее образует ее границу. Это возвращает меня к одному из моих начальных тезисов: *prima materia* состоит из элементов, не имеющих самостоятельного существования, элементов, которые сами являются границами пустоты и составляют ее внешнюю структуру. *Prima materia* похожа на колдуна, у которого, как говорят, нет спины, потому что за ним, буквально, находится пустота ничто.

Не представляет ли собой эта совершенно не осязаемая односторонняя пограничная линия крупицу свободы, извлекающей из пустоты каждый фрагмент материи? Если это так, то край света находится повсюду. В той мере, в которой мы граничим не только с нечем (чем-то подобным или отличным от нас), но и с ничто, открывающим горизонт подобий и различий, мы находимся на краю света. Все мы – частицы и античастицы, мужчины, клетки, кошки, окна, поляки, женщины, субъекты, тела, омары, колдуны, треугольники и другие – участвуем в этом рискованном пограничье, где на карту поставлены реальные движения и потенциальные перемены. Разумеется, аномальное животное универсальной пустоты возникает лишь ретроспективно, когда мы предположительно вынимаем его из панциря существующих вещей. Но представьте, что ничто нет! Мир без ничто – не что иное, как мир без границ и различий, управляемый идеологией ложной пустоты для поедания, мир, в котором любой жест возвращает тождественное к тождественному и в котором Россия навсегда останется в беде.

Авториз. пер. с англ. Карена Саркисова

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 140.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Я.И. Свирского. Екатеринбург; М.: У-Фактория; Астрель, 2010. С. 404–405.
3. Malabou C. Who's Afraid of Hegelian Wolves? // *Deleuze: A Critical Reader* / Ed. by P. Patton. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. P. 128.
4. Žižek S. *Less than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London; New York: Verso, 2012. P. 925.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 404.

6. Эти три абзаца написаны Маттьяжем Личером в качестве комментария к моей работе, родившейся из нашего продуктивного диалога на тему пустоты.
7. Метафору экзоскелета подсказал Расмус Угильт, комментируя первый черновик моей работы.
8. См.: en.wikipedia.org/wiki/Cambrian_explosion (дата обращения: 27.10.2014).
9. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. Г.Г. Шпета под ред. М.Ф. Быковой. М.: Наука, 2000. С. 60.
10. Пелевин В. Чапаев и Пустота // pelevin.nov.ru/romans/pe-pust/5.html (дата обращения: 27.10.2014).
11. Там же.
12. См.: Noys B. *The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
13. Žižek S. *Op. cit.* P. 35.
14. См.: Copjec J. *Imagine There's No Woman: Ethics and Sublimation*. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 2002. P. 32 ff.
15. *Ibid.* P. 1.
16. *Ibid.* P. 4.
17. *Ibid.* P. 3.
18. Доклад был прочитан на конференции «Человеческое животное», прошедшей в Берлине в декабре 2011 года.
19. Žižek S. *Op. cit.* P. 408.
20. Marx K. *Value: Studies* / Transl. by A. Dragstedt. London: New Park, 1976. Цит. по: <http://www.marxists.org/archive/marx/works/1867-c1/commodity.htm>.
21. Žižek S. *Op. cit.* P. 408.
22. *Ibid.*